

⁸ Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1892, т. I, с. 151.

⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1953, т. I, с. 297.

¹⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 661.

¹¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 297.

¹² Анненков П. В. Указ. соч., с. 21.

¹³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I, с. 297.

¹⁴ «Повесть разнообразится чрезвычайно. Она может быть даже совершенно, поэтической и получает название поэмы...», — писал Гоголь в проспекте «Учебной книги словесности для русского юношества» (VIII, 492).

¹⁵ Нельзя считать типичной «петербургскую повесть» «Пиковую даму» Пушкина, так как, хотя действие и разворачивается в Петербурге, в повести нет установки автора на изображение будничного быта «маленького человека».

¹⁶ Как указал М. А. Цявловский, в этом эпизоде гоголевской повести отразились переданные Пушкиным истории «о дерзких ограблениях в центре города высокопоставленных лиц» (Звенья. М., 1950, т. VIII, с. 23).

¹⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 296, 287.

Е. Н. СТРОГАНОВА

(Калининский госуниверситет)

ПУШКИНСКОЕ НАЧАЛО В ПОВЕСТИ Л. ТОЛСТОГО «ДВА ГУСАРА»

В 1856 г. в «Современнике» была напечатана повесть «Два гусара» — одно из самых пушкинских произведений молодого Толстого. Трудно себе представить, чтобы в годы, когда шла ожесточенная полемика о пушкинском и гоголевском направлениях в литературе, обращение Толстого к Пушкину не было в достаточной степени осознанным. О том, что в этот период Толстой живо интересуется Пушкиным, мы узнаем из его дневниковых записей в июне 1856 г.¹ Если в марте-апреле, работая над «Двумя гусарами», Толстой и не читает Пушкина, то имя его, несомненно, актуально для Толстого так же, как и для его современников. Проблема пушкинского начала в повести представляется важной, потому что уже первые ценители увидели в ней стремление автора противопоставить представителей двух поколений, и это мнение закрепилось в литературоведении². Но сводить весь смысл повести к противопоставлению отца и сына Турбиных — это значило бы во многом обеднить и упростить ее. Выявление пушкинского начала в «Двух гусарах» помогает, на наш взгляд, более глубокому и точному прочтению повести.

Пушкинское начало заявлено уже в интродукции повести (термин Б. М. Эйхенбаума): сама эпоха 1800-х годов предстает в описании Толстого как пушкинская. Интродукция предельно насыщена конкретно-бытовыми реалиями (что вообще является принципом толстовского исторического повествования) и построена весьма своеобразно. Сначала 1800-е годы даны в сравнении с современностью: «В 1800-х годах, в те времена, когда не было еще ни железных, ни шоссейных дорог...» (3, 145); затем — в рассказе о том, как было «в те наивные времена» при отсутствии «железных и шоссейных дорог»; наконец, для того, чтобы стало совсем ясно, о каком времени идет речь, упомянуты имена реальных деятелей эпохи — Милорадовича, Давыдова, и венчается интродукция именем Пушкина.

Толстой вполне традиционно современную ему эпоху осознает как век наступления буржуазного прогресса, и недаром в качестве ее первого характерного признака выступают усовершенствованные средства передвижения — «железные и шоссейные дороги». Описание же прошедшей эпохи восходит к Пушкину, и источники его очевидны. Начиная описание эпохи с упоминания о том, что «тогда не было ни железных, ни шоссейных дорог», Толстой, несомненно, вспоминает Пушкина, который в «Евгении Онегине» рисует картины российского бездорожья и мечтает о лучших временах:

Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.

.
Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет...

(VII, XXXIII—XXXIV)³

С пушкинским романом, в частности с описанием отъезда Лариных из деревни в Москву, связаны и последующие строки интродукции: «...в те наивные времена, когда из Москвы, выезжая в Петербург в повозке или карете, брали с собой целую кухню домашнего приготовления...» (3, 145).

Именно так основательно собирается в дальнюю дорогу
Прасковья Ларина:

Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякого добра

(VII, XXXI).

Описание дорожной неблагоустроенности и связанных с нею неудобств для путешественника Толстой заканчивает упоминанием о том, что в ту «наивную» эпоху «верили в пожарские котлеты, в валдайские колокольчики и бублики» (3, 145). Это прямое цитирование шуточного стихотворения Пушкина из письма к С. А. Соболевскому от 9 ноября 1826 г.:

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.

.
У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай (XIII, 303).

Стихи эти впервые были напечатаны в «Современнике» за 1857 г. (№ 5) уже после появления «Двух гусаров». Они могли быть известны Толстому от М. Н. Лонгинова, который и опубликовал их: в январе 1856 г. Толстой встречался с ним в Москве⁴. Лонгинову же стихи были сообщены самим Соболевским⁵.

Итак, для того чтобы показать эпоху 1800-х годов, наиболее характерные приметы ее Толстой черпает у Пушкина. Но что же такое 1800-е годы в понимании Толстого? Если исходить из лексического значения слов, то это первое десятилетие XIX в. Но отнесение действия первой части к 1800-ым годам в общепринятом понимании этой даты нарушает внутреннюю хронологию повести (о чем речь пойдет дальше). Кроме того, из характеристик и упоминаемых реа-

лий ясно, что Толстой описывает эпоху, наступившую после войн с Наполеоном.

Имена Милорадовича, Давыдова и Пушкина помогают установить конечную границу этой эпохи (знаменательно, что все три имени даны во множественном числе — «эпоха Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных», т. е. выступают как своего рода имена нарицательные). Эти имена так или иначе связаны с движением декабристов: Милорадович умер от раны, полученной 14 декабря на Сенатской площади; обширны были декабристские знакомства Давыдова (кроме того, с юных лет и до конца дней за ним удерживалась репутация вольнодумца); Пушкин же непосредственно был связан с декабристами в своей жизни и творчестве. Это позволяет предположить, что для Толстого эпоха 1800-х годов завершалась годом 1825-ым.

В изображении Толстого 1800-е годы предстают как время, когда цивилизация и ее пагубные последствия еще не исказили человеческой природы, люди были более естественны в своих проявлениях и менее рационалистичны. И в этой связи Милорадович и Давыдов становятся характернейшими представителями своего времени: Милорадович, отважный воин, так и не сумевший стать образцовым администратором; Давыдов, чье имя уже при жизни стало символом безудержной удалости и «ухарских пиров» — того, что являлось обязательным в понятии «гусарство» (недаром эпитафией к повести Толстой взял строки из «Песни старого гусара»).

Не случайно в этом ряду и имя Пушкина. В апреле-мае 1857 г., посылая П. В. Анненкову записку М. И. Пущина о Пушкине, Толстой написал: «...это, видно, была безалаберная эпоха Пушкина» (60, 182). Обращает на себя внимание эпитет «безалаберная». В. И. Даль дает следующее толкование этого слова: «бестолковый, беспорядочный... взбалмошный... неразумный, шальной». Весь этот ряд в целом и каждое из слов в отдельности противостоят понятию рассудочности, расчетливости, упорядоченности. Таким образом, имя Пушкина становится своего рода знаменем безрасчетливой и «наивной» эпохи 1800-х годов.

Теперь обратимся к вопросу о внутренней хронологии повести с тем, чтобы установить время действия первой части. Действие глав, составляющих вторую часть повести и посвященных Турбину-младшему, отнесено к маю 1848 г., при этом отмечено, что со времени уже описанных событий «прошло лет двадцать» (3, 174), т. е. время обозначено приблизительно-

но, что позволяет сразу же отказаться от отнесения действия первой части к 1828 г. Кроме того, такие детали, как портрет императора Александра в зале гостиницы города К. и открывающий бал у предводителя старинный польский «Александр, Елисавета», лишний раз подтверждают, что в первой части описаны события, происходившие в александровскую эпоху. Обоим героям второй части — Турбину-младшему и Лизе — по 23 года, т. е. родились они приблизительно в 1825 г. Когда Федор Турбин встречается с Анной Федоровной, она уже вдова, но в повести нет и намек на то, что Лиза его дочь: значит, приезд Турбина-старшего в К. правильнее всего отнести к концу 1825 г. Упомянутые в повести дворянские выборы подтверждают, что дело происходит осенью.

Вполне понятно, почему год рождения молодых героев второй части — 1825-й: они дети нового времени, нового века, который начался после восстания на Сенатской площади. Но существует, на наш взгляд, еще одно объяснение того, почему события второй части повести отнесены именно к 1848 г. Эта дата имеет под собой автобиографическую подоплеку: в 1848 г. юный Лев Николаевич Толстой приезжает в Петербург и, захваченный общим, по его мнению, в дворянской среде стремлением к деловитости, предпринимает попытки сделаться «практическим человеком». В конце февраля Толстой пишет Т. А. Ергольской: «Мне нравится петербургский образ жизни. Здесь каждый занят своим делом, каждый работает и старается для себя, не заботясь о других; хотя такая жизнь суха и эгоистична, тем не менее она необходима нам, молодым людям, неопытным и не умеющим братья за дело. Жизнь эта приучит меня к порядку и деятельности, — двум качествам, которые необходимы для жизни и которых мне решительно недостает. Словом, к практической жизни»⁶. Модная болезнь века — практицизм — некоторое время упорно владеет Толстым. 13 февраля 1849 г. он пишет брату Сергею Николаевичу: «...я вполне убежден теперь, что умозрением и философией жить нельзя, а надо жить положительно, т. е. быть практическим человеком» (59, 29). А спустя несколько месяцев, проигравшись в прах и разочаровавшись в возможностях гражданской жизни, он соберется поступить в военную службу, мотивируя это следующим образом: «она меня приучит к практической жизни» (59, 45). Мечтам о практической жизни не суждено было осуществиться, ибо Толстой при своей постоянной апелляции

к разуму всегда в большей мере был человеком сердца. О своей петербургской жизни 1848—1849-х годов Толстой долго помнил, так как в течение шести лет — до декабря 1855 г. — продолжал выплачивать долги⁷. И стыдом за самого себя, недовольством собой во многом объясняется пристрастность, с которой обрисован в повести «практический человек» Турбин-младший. Замысел произведения о «практическом человеке» занимает Толстого: еще до написания «Двух гусаров» он задумывает комедию, два варианта которой известны под названиями «Дворянское семейство» и «Практический человек». Написание обоих исследователи датируют 1856 г. (первые упоминания о задуманной комедии относятся к 13—19 февраля 1856 г., когда Толстой вновь находился в Петербурге). В дневнике имеется запись от 12 января 1857 г. о том, что действующими лицами комедии должны стать «практический человек, Жорж Зандовская женщина и гамлет нашего века, вопиющий большой протест против всего...» (47, 111). Содержание написанных вариантов более относится именно к практическому человеку, который, видимо, мыслился как антипод своего младшего брата, погруженного в рефлексию. Возможно, отталкиваясь от замысла комедии, Толстой и пишет «Двух гусаров». Во всяком случае очевидно, что проблема героя «нашего века» — человека практического, его отношение к миру и людям волновали Толстого. Опираясь на собственный печальный опыт, он стремился к развенчанию практического человека, чего и достигает с успехом в своей повести. В дальнейшем безнравственный тип практического человека воплотился в образах Берга и Друбецкого в «Войне и мире». Уже в период «Двух гусаров» относясь к этому типу глубоко иронично, Толстой с добродушной усмешкой в «Отрывке дневника 1857 года» напишет о непрактичности русских: «С утра в 3-х наших квартирах происходила возня укладки. — Впрочем, наши хозяева поняли нас русских и, несмотря на то, что мы все хвастались друг перед другом своей практичностью, укладывали за нас трудолюбивые муравьи Кетереры.

Долго я пытался достигнуть аккуратности немецкой, но теперь уж махнул рукой, утешая себя тем, что ежели у меня и пропадают и пачкаются и мнутся вещи больше, чем у Прусского Генерала, который укладывался два дня не переставая, зато уж и никому так равнодушно не обойтись без пропавшей вещи и не носить испачканного или измятого

платья. Это тоже русская практичность в своем роде» (5, 192).

Проявившаяся в «Двух гусарах» в образе Турбина-младшего ирония Толстого по отношению к самому себе, жаждавшему стать практическим человеком, вызвана в определенной мере тем, что в 1856 г. Толстой уже знает, что в том же 1848 г., когда он восторгался тем, что все вокруг заняты только собой, в Петербурге были люди с иными понятиями о жизни — петрашевцы. В 1858 г. в своей «Записке о дворянстве» Толстой скажет о той великой роли, которую сыграло передовое дворянство в деле освобождения крестьян: «Одно оно послало в 25 и 48 годах, и во все царствование Николая, за осуществление этой мысли своих мучеников в ссылки и на виселицы...» (5, 267—268). Это замечание очень важно, так как показывает, что для Толстого 50-х годов 1825 и 1848 годы — это вехи в развитии общественной мысли, годы наивысшего взлета дворянства.

И тогда оказывается, что не только Турбин-младший, но и его отец — не лучшие представители своего сословия. Отец и сын Турбины у Толстого не только противопоставлены, но и сопоставлены. Противопоставлены они в том, что являются представителями разных эпох: первый безалаберен и нерасчетлив — совершенно в духе своего «наивного» времени, а второй — практический человек, тоже вполне сын своей рациональной эпохи. В основе же это один и тот же тип — тип человека, для которого все в жизни подчинено удовлетворению собственных потребностей, для которого не существует других интересов, кроме забот, связанных с собственной персоной.

Характерно, что обоих героев Толстой ставит в одинаковые ситуации, и при этом они ведут себя совершенно одинаково. Турбину-отцу оказывает гостеприимство кавалерист Завальшевский; в чужом номере граф Федор Иванович вполне вольготно устраивается на чужой постели, «задрав ноги на перегородку» (3, 149). Столь же бесцеремонен и его сын: в доме Анны Федоровны он укладывается на заботливо приготовленную постель «как был, в пыльных сапогах» (3, 185). Ни гусар старого времени, ни сын нового века не церемонятся с добросердечными провинциалами, распахнувшими им свои объятия. Турбин-сын, согласно кодексу практического человека, обыгрывает по мелочи старушку Анну Федоровну, доставляя ей самое серьезное неудовольствие. Турбину-отцу, казалось бы, свойственно чувство сострадания, но

и он, согласно нормам поведения истинного гусара старого закала, бросает цыганам тысячу триста рублей, не вспомнив даже, что должен сто рублей Завальшевскому. И даже добросердечие Турбина-старшего в отношении к Ильину оказывается актом во многом случайным. Федор Турбин настолько импульсивен, неожидан в своих поступках, что сам автор не знает, что он может сделать в следующую минуту. Недаром, описывая знакомство Турбина с Ильиным, Толстой замечает: «Казалось, Ильин очень понравился графу» (3, 152), т. е. симпатии графа к Ильину могли быть и кажущимися. Граф Турбин — сам игрок и шулер, и именно он мог стать злым гением Ильина, но случайно произошло так, что он проигрался до приезда в город К. Благородство графа в истории с Ильиным выступает как воля случая, а не как факт его обычного отношения к людям. О собственном же ему обращении с людьми известно из его собственного рассказа о том, как он на станциях добывается лошадей («это как тараканов вымораживают» (3, 153) — по восхищенному замечанию одного из слушателей).

Эгоизм — доминирующая черта в характере и отца и сына. Но в первом он даже привлекателен своей непосредственностью, т. е. выступает как естественное свойство человеческой природы. Непосредственность эгоизма всегда импонировала Толстому; так, вспоминая о брате Сергее Николаевиче, он напишет в старости: «Я восхищался его красивой наружностью, его пением... его рисованием, его веселием и, в особенности, как ни странно сказать, его непосредственностью, его эгоизмом. Я всегда себя помнил, себя сознавал, всегда чувал, ошибочно или нет, то, что думают обо мне и чувствуют ко мне другие, и это портило мне радости жизни. От этого, вероятно, я особенно любил в других противоположное этому — непосредственность, эгоизм» (34, 387). Эгоизм Турбина-младшего отталкивает своей расчетливостью и неизбежной при этом циничностью; он идет от разума, поэтому неестествен и доходит до крайностей. Но это качественное, так сказать, различие эгоизма обусловлено эпохой — наивной в первом случае и практической во втором. Эпоха, определяя героя в целом, определяет и его отдельные проявления, в том числе и выбор возлюбленной. О типе женщин, который привлекает Турбина-старшего, можно судить по его кратковременной, но бурной влюбленности в простодушную и глупую вдовушку Анну Федоровну. Предмет Турбина-младшего — Мина (видимо, немка, что также

немаловажно), привязанность давняя, женщина, далеко не глупая и вовсе не простодушная; письмо ее, по словам самого графа, полно «чувства и ума», но «одно нехорошо — денег просит» (3, 181).

Все сказанное позволяет заметить, что мнение, будто Толстой идеализирует прошедшую эпоху и ее представителей, не вполне бесспорно. Веским аргументом в пользу того, что в повести этой идеализации нет, является и упоминание о том, какой конец постиг блестящего Федора Турбина: он «был убит на дуэли с каким-то иностранцем, которого он высек арапником на улице» (3, 174) — деталь сатирическая, буквально гоголевская. И здесь Федор Турбин где-то сродни «историческому человеку» Ноздреву. Кстати, это не единичная ноздревская деталь в характеристике Турбина: он очень похож на Ноздрева и тогда, когда демонстрирует присутствующим свою собаку. Ноздрев рядом с Федором Турбиным проливает новый свет на толстовского героя, тем более, если вспомнить, что Турбин — представитель эпохи, закончившейся 14 декабря. Тип Турбина-старшего получит свое дальнейшее развитие в «Войне и мире» в образе Долохова — эта тенденция развития образа окончательно снимает с него ярлык положительности.

Итак, в повести Толстого нет идеализации прошедшей эпохи. Она вообще не была свойственна Толстому в эти годы. Во время работы над «Двумя гусарами» Толстой делает всего две записи в дневнике, но обе они очень значительны, так как непосредственно связаны с создаваемой повестью. Одна из этих записей отражает отношение Толстого к прошлому: «Одно из главных зол, с веками нарастающих во всевозможных проявлениях, есть вера в прошедшее. Перевороты геологические, исторические необходимы. — Для чего строят дом в 1856 году с греческими колоннами, ничего не поддерживающими?» (47, 68). Поэтому вряд ли стоит искать эту идеализацию в размышлении, открывающем вторую часть повести, о том, что за прошедшие двадцать лет «много прекрасного и много дурного старого погибло, много прекрасного молодого выросло, и еще больше недоросшего уродливого молодого появилось на свет Божий» (3, 174). Здесь глубоко диалектическое сознание того, что в любую эпоху есть хорошее и дурное, что и то и другое было всегда, оно, естественно, есть и теперь. Эта мысль Толстого находит конкретное художественное воплощение в повести.

Противопоставленность главных героев повести лежит на

поверхности. Но есть в повести пласт глубокий, связанный с второстепенными героями — уланом Ильиным и корнетом Полозовым. Композиционная роль этих образов понятна: они нужны для более яркой обрисовки главных героев. Но это не все. При ближайшем рассмотрении оказывается, что не только отец и сын противопоставлены друг другу как представители разных эпох, но и каждому из них в свою очередь противопоставлен второстепенный герой-современник. Ильин противопоставлен Турбину-старшему своей чистотой, неискушенностью, доверчивостью, незнанием жизни и неумением постоять за себя, стремлением быть бесшабашным, свободным и независимым — и неумением быть таким. Полозов, человек еще более молодой, чем Турбин-младший, противопоставлен ему мечтательностью, чуткостью, благородством, вниманием к ближнему, т. е. совершенным отсутствием практицизма. По существу, Ильин и Полозов тоже являются собой один тип — тип человека, еще ищущего себя, но в общем-то вполне определившегося, для которого органичны благородные чувства и поступки. Этот тип в основе своей противостоит типу, представленному образами отца и сына Турбиных, и, что интересно, гораздо в меньшей степени подвержен модным веяниям времени. Это тип истинно «добраго малого», порядочного человека, столь близкий и симпатичный сердцу его создателя. Толстой входит в подробности внутреннего мира этих героев, показывает их малейшие душевные движения.

Тип, представленный образами Ильина и Полозова, имеет своего литературного предшественника в творчестве Пушкина, несомненно его генетическая близость образу Петра Андреевича Гринева. Толстой как будто раскладывает ситуации гриневской жизни на два образа: карточный проигрыш достается Ильину, а благородное право вступить за честь женщины выпадает на долю Полозова. Это общее с Пушкиным (возможно, и без непосредственного его воздействия) обращение к одному типу — свидетельство того, что для обоих писателей существовали общие этические ценности, общие критерии добра и зла. Относительная временная неизменяемость этого типа в повести может служить подтверждением того, что для Толстого эти моральные ценности являются безусловными и незыблемыми.

Положительное начало в повести представлено героями второстепенными, героями, способными чувствовать и сочувствовать. Наиболее совершенно эти качества воплощены в

образе деревенской барышни Лизы. Характер этот еще в большей степени, чем образы Ильина и Полозова, противопоставлен образам отца и сына Турбиных и решается как характер идеальный. Толстой наделяет Лизу теми превосходными, по его мнению, качествами, которыми не обладает сам. С образом Лизы связана вторая дневниковая запись периода «Двух гусаров» — Толстой перечисляет те добродетели, которые он собирается культивировать в себе: «Деятельность, чистосердечие, довольство настоящим и снискивание любви» (47, 68). Это «довольство настоящим» — совершенное согласие с миром, окружающими людьми и собой — отличает Лизу и происходит из естественности ее воспитания. Толстой подчеркивает, что мать «не дала никакого воспитания Лизе: не учила ее ни музыке, ни столь полезному французскому языку, а... отдала ее кормилице и няньке, кормила ее, одевала в ситцевые платица и козловые башмачки, посылала гулять и собирать грибы и ягоды, учила ее грамоте и арифметике посредством нанятого семинариста» (3, 178). По мнению автора, «лучшие вещи всегда выходят нечаянно» (3, 178). Именно такой «лучшей» и является Лиза. Почти естественное воспитание дало ей то главное и лучшее, что только может быть в человеке, — «не испорченное умом, доброе, прямое сердце» (3, 179). Сердце противопоставлено уму и в частично цитированной выше дневниковой записи, связанной, на наш взгляд, с образом Лизы: «Главная моя ошибка в жизни состояла в том, что я позволял уму становиться на место чувства и то, что совесть называла дурным, гибким умом, переводить на то, что совесть называла хорошим» (47, 68).

В образе Лизы слиты воедино те качества, которые в «Войне и мире» дадут двух любимых толстовских героинь — Наташу и княжну Марью: религиозность, сосредоточенность, глубина, острое желание личного счастья и сознательная жертвенность — это княжна Марья; сердце, «не испорченное умом», веселость и открытость, непосредственность, упование красотой жизни, любовь ко всем и вся — Наташа. Это перспектива развития образа. Истоки же его тоже восходят к Пушкину — Лиза типологически близка Маше Мироновой. Сходство даже во внешнем облике — обе здоровые деревенские девушки: Маша — «девушка лет осмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши» (6, 421); Лиза — «среднего роста, скорее полная, чем худая; глаза у ней были карие, небольшие.., длин-

ная и русая коса. Походка у ней была широкая, с развалом — уточкой, как говорится» (3, 179). Но этим сходство не ограничивается. Пушкинская Маша, выросшая в простоте среди добрых сердцем людей, тоже наделена сердцем, которое способно почувствовать, что хорошо, а что дурно, поэтому она и отвергает столь завидного в ее доле жениха, как Швабрин. Разговаривая с Гриневым после его дуэли со Швабриным, Марья Ивановна замечает: «Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иваныч». И эту свою уверенность объясняет так: «...он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен...» (6, 433—434). Среда, приближенная к естественной, сформировала естественную, глубокую и чистую натуру. В близости образов Лизы и Маши еще в большей степени, чем об этом уже говорилось ранее, сказалась родственность мировосприятия Пушкина и Толстого. Хотя у Пушкина нет такого антагонистического противоречия между сердцем и умом, как у Толстого (они у него гармонично сосуществуют), все же именно сердцем определяется человек. Его Татьяна одарена «умом и волею живой... и сердцем пламенным и нежным», но в любви не «судит хладнокровно», а действует по велению чувства — пишет Онегину письмо, в котором «сердце говорит». И «странного» пушкинского героя не минует эта проверка на истинность, и он отдаст дань любовному безумству, «ума не внемля строгим пеням». Таким образом, именно жизнью сердца определяется человек у Пушкина. Развитие этой идеи в период наступления «железного века» приводит к тому, что у Толстого ум становится признаком негативным. Противопоставленность Лизы Турбину-младшему — это противопоставленность сердца уму. Турбину же старшему, как воплощению «естественного» эгоизма, Лиза противопоставлена как воплощение естественной доброты и любви. Образ Лизы еще одно подтверждение того, что Толстой далек от идеализации прошедшей эпохи: идеальный характер он находит в современной ему действительности.

Приведенные наблюдения позволяют заметить, что пушкинское начало в повести сказалось не столько в прямых цитатах и реминисценциях, сколько в сходстве мировоззрения, определившем типологическую близость героев. Разумеется, противопоставленность главных героев повести налицо, но ее актуальность снимается той противопоставленностью двух типов, которая становится очевидной благодаря Пушкину. Эти два типа контрастны, и в основе противопоставления

лежит их отношение к человеку — антигуманистическое у первого типа и гуманистическое у второго. Наивысшего же проявления гуманизм достигает в образе Лизы. И в этом, несомненно, влияние Пушкина, у которого идеальные чувства и понятия тоже воплощены в женщине. Эта пушкинская традиция нашла свое продолжение не только у Толстого. В творчестве же Толстого она получила дальнейшее свое развитие в «Войне и мире», но первый пример такого рода — «Два гусара».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90-та т. Юбилейное изд. М., 1928—1958, т. 47, с. 78—79 (далее ссылки даются по этому изданию с указанием тома и страницы).

² Дружинин А. В. «Метель». — «Два гусара». Повести графа Л. Н. Толстого. — В кн.: Русская критическая литература о произведениях Л. Н. Толстого / Состав В. Зелинский. М., 1888, ч. I, с. 61; Эйхенбаум Б. Лев Толстой: Пятидесятые годы. Л., 1928, с. 250.

³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.; Л., 1949—1951, т. 5 (далее ссылки даются по этому изданию с указанием тома и страницы; ссылки на роман «Евгений Онегин» даются с указанием главы и строфы).

⁴ В январе 1856 г. Л. Н. Толстой ездил в Орел к умирающему брату Дмитрию; приехал туда 9 января, а 10 уже уехал в Москву и пробыл там довольно долго — в Петербург вернулся около 29 января. В марте произошло заочное столкновение с М. Н. Лонгиновым, которое едва не кончилось дуэлью (см.: Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957, с. 18—19, 28—29). Это позволяет предположить, что личное знакомство Толстого с Лонгиновым состоялось в январе в Москве, тогда и могла зайти речь о письме Пушкина к Соболевскому.

⁵ О том, что Лонгинов получил стихотворное послание из письма А. С. Пушкина от самого Соболевского, известно со слов Лонгинова: «Искренне благодарю Соболевского за то, что он по дружбе своей ко мне доставил в мой сборник этот игривый отрывок из письма Пушкина (Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979, с. 50).

⁶ Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1955 год. М., 1954, с. 254—255.

⁷ Там же, с. 259.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. С. ПУШКИН
И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник научных трудов

Калинин 1983